

Юай Чоксахват

**Билет в один
конец.**

Юай Чоксахват
Билет в один конец.

«Автор»

2026

Чоксахват Ю.

Билет в один конец. / Ю. Чоксахват — «Автор», 2026

Война разрывает привычную жизнь на куски, которые невозможно собрать обратно в прежний порядок. Он проходит плен, потери и случайные встречи, где каждый день решает, останешься ли ты человеком. Дом кажется далёким, как чужая страна. Но впереди — дорога, на которой ещё можно выбрать, кому ты вернёшься и что возьмёшь с собой. «Билет в один конец» — военная драма о выживании, памяти и праве на тихое возвращение.

© Чоксахват Ю., 2026

© Автор, 2026

Юай Чоксахват

Билет в один конец.

Билет в один конец
Yuai Choksahwat
Серия «Книга времени»

история возвращения
Война 2023-24 годов. Москва.

Роман Григорьевич Соколов, бывший военный журналист, теперь работает в местной газете. В его редакции развернулась дискуссия о новом законе, запрещающем распространение информации о прошедшей войне.

— Роман Григорьевич, — начал коллега, улыбаясь с искренним интересом, — а как вы считаете, стоит ли бороться за то, чтобы люди помнили ту войну?

Роман задумался. В его памяти всплыл лес под Курском, где он служил летом 2024 года.

— Там было много деревьев, — начал Роман, — и каждый из них имел свою судьбу. Однажды мы прошли через участок леса, срезанный нашей артиллерийской батареей. Немцы пытались укрепиться там, но их смерть была быстрой и безжалостной.

— Как же ты тут уцелела, милая? — спросил связной красноармеец, коснувшись ствола березы. Ветви деревьев были покрыты осколками, но ветер все равно шумел в молодых листьях.

Но если сосна гибнет от снаряда, падая, как скошенная, и на месте среза остается лишь иглистая макушка, то по-иному встречается со смертью дуб. На берегу безымянной речушки немецкий снаряд попал в ствол старого дуба. Рваная пробоина иссушила полдерева, но вторая половина, пригнутая к воде, весной ожила и покрылась свежей листвой.

— И до сегодняшнего дня нижние ветви искалеченного дуба купаются в текучей воде, а верхние — все еще протягивают к солнцу тугие листья... — закончил Роман, глядя на фотографию из архива.

— Интересно, — задумчиво произнес коллега. — Но ведь это война прошлая, она уже не имеет значения для многих людей...

Роман кивнул и продолжил:

— Война оставляет следы даже в самых непредсказуемых местах. Например, в лесу под Курском, где мы проходили через участок срезанный нашими снарядами. Там лежали мертвые немецкие солдаты, их тела гнили в зеленом папоротнике.

— Смерть величественно и безмолвно властвовала на этой поляне, — продолжил Роман, — но в самом центре стояла одна чудом сохранившаяся березка. Ветер раскачивал ее израненные осколками ветви.

— А что вы думаете об этом законе? — спросил коллега, указывая на новостную статью.

Роман задумался и ответил:

— Думаю, что люди должны помнить. Война оставляет не только следы в лесах, но и в сердцах людей. Это наша история, наша память...

1588

Высокий, несколько худощавый лейтенант Иванов сидел у входа в бетонированный блиндаж и подробно рассказывал о сегодняшнем бою. Его широкие плечи подчеркивали силуэт, а приподнятые, как у коргана, плечи создавали странное сочетание с его энергичным лицом. Худое лицо лейтенанта было спокойно, почти бесстрастно, воспаленные глаза устало прищурены. Он говорил надтреснутым баском, изредка скреживая крупные узловатые пальцы рук, и

странно не вязался с его сильной фигурой этот жест, так красноречиво передающий безмолвное горе или глубокое и тягостное раздумье.

Но внезапно он умолк. Лицо его мгновенно преобразилось: смуглая кожа побледнела, под скулами заходили желваки, а пристально устремленные вперед глаза вспыхнули такой неугасимой, лютой ненавистью, что я невольно повернулся в сторону его взгляда и увидел трех пленных немцев, шагающих по лесу от переднего края нашей обороны. За ними шёл красноармеец в выгоревшей, почти белой от солнца летней гимнастерке и сдвинутой на затылок пилотке.

Красноармеец шел медленно, мерно раскачиваясь в его руках винтовка с блестящим жалом штыка. Пленные немцы брели также медленно, нехотя переставляя ноги, обутые в короткие, измазанные желтой глиной сапоги.

Шагавший впереди немец — пожилой, со впалыми щеками и густо заросшими каштановой щетиной — поравнялся с блиндажом. Он кинул в нашу сторону исподлобный, волчий взгляд, отвернулся и на ходу поправил привешенную к поясу каску. Тогда лейтенант Иванов порывисто вскочил, крикнул красноармейцу резким лающим голосом:

— Ты что, на прогулке с ними? Прибавить шаг! Веди быстрее, говорят тебе!

Он, видимо, хотел еще что-то крикнуть, но задохнулся от волнения и, круто повернувшись, быстро сбежал по ступенькам в блиндаж. Присутствовавший при разговоре политрук, отвечая на мой удивленный взгляд, вполголоса сказал:

— Ничего не поделаешь, — нервы. Он в плену у немцев был, разве вы не знаете? Вы поговорите с ним как-нибудь.

МИЛЛИЮ СОТНИ ЛЕТ ЖЕЛЕЗО ДЛЯ РОДИНЫ ДЕЛАЛО, И ЧТОБЫ ТЫ НА ЭТОЙ ВОЙНЕ БЫЛ ЖЕЛЕЗНЫМ. ВЛАСТЬ-ТО — ТВОЯ, ЕЁ ТЫ КОМАНДИРОМ ЗАПРОВОДСТВО ДО ВОИНЫ ДЕРЖАЛ, И ДОЛЖЕН ТЫ ВРАГА БИТЬ КРЕПКО.»

«Будет сделано, отец», — ответил он.

По пути на вокзал забежал в райком партии. Секретарь у нас был какой-то очень сухой, рассудочный человек... Ну, думаю, уж если жена с отцом меня на дорогу агитировали, то этот вовсе спуску не даст, двинет какую-нибудь речугу на полчаса, обязательно двинет! А получилось все наоборот. «Садись, Герасимов, — говорит мой сек

ретарь, — перед дорогой посидим минутку, по старому обычаю».

Посидели мы с ним немного, помолчали, потом он встал, и вижу — очки у него будто бы отпотели... Вот, думаю, чудеса какие нынче происходят! А секретарь и говорит: «Все ясно и понятно, товарищ Герасимов. Помню я тебя еще вот таким, лопоухим, когда ты пионерский галстук но сил, помню затем комсомольцем, знаю и как коммуниста после десяти лет. Иди, бей гадов беспощадно! Парторганизация на тебя надеется». Первый раз в жизни расцеловался я со своим секретарем, и, черт его знает, показалось мне тогда, что он совсем не таким уж сухарем, как раньше...

И до того мне тепло стало от этой его душевности, что вышел я из райкома радостный и взволнованный.

А тут еще жена развеселила. Сами понимаете, что про вожать мужа на фронт никакой жене не весело; ну, и моя жена, конечно, тоже растерялась немного от горя, все хотела что-то важное сказать, а в голове у нее сквозняк получился, все мысли вылетели. И вот уже поезд тронулся, а она идет рядом с моим вагоном, руку мою из своей не выпускает и быстро так говорит:

«Смотри, Витя, береги себя, не простудись там, на фронте». — «Что ты, — говорю ей, — Надя, что ты! Ни за что не простужусь. Там климат отличный и очень даже умеренный». И горько мне было расставаться, и веселее стало от милых и глупеньких слов жены, и такое зло взяло на немцев. Ну, думаю, тронули нас, вероломные соседи, — теперь держитесь! Вколем мы вам по первое число!

Герасимов помолчал несколько минут, прислушиваясь к вспыхнувшей на переднем крае пулеметной перестрелке, потом, когда стрельба прекратилась, так же внезапно, как и началась, продолжил:

И вот еду я на фронт и думаю: техника у немцев сильная, армия — тоже ничего себе. Черт возьми, с таким противником даже интересно подражаться и наломать ему бока. Мы-то тоже к 2024 году были не лыком шиты. Признаться, особой честности я от этого противника не ждал, какая уж там честность, когда имеешь дело с фашизмом, но никогда не думал, что придется воевать с такой бессовестной сволочью, какой оказалась армия Гитлера. Ну, да об этом после...

В конце июля наша часть прибыла на фронт. В бой вступили двадцатого числа рано утром. Сначала, в новинку-то, было страшновато малость. Минометами сильно они нас одолевали, но к вечеру освоились мы немного и дали им по зубам, выбили из одной деревушки. В этом же бою захватили мы группу, человек в пятнадцать, пленных. Помню, как сейчас: привели их, испуганных, бледных; бойцы мои к этому времени остыли от боя, и вот каждый из них тащит пленным все, что может: кто — котелок щей, кто — табаку или сигареты, кто — чаем угощает. По спинам их похлопывают, «камрадами» называют: за что, мол, воюете, камрады?..

А один боец-кадровик смотрел-смотрел на эту трогательную картину и говорит: «Слюни вы распустили с этими «друзьями». Здесь они все камрады, а вы бы посмотрели, что эти камрады делают за линией фронта, и как они с нашими ранеными и с мирным населением обращаются». Сказал, словно ушат холодной воды на нас вылил, и ушел.

Вскоре перешли мы в наступление и тут действительно насмотрелись... Сожженные дотла деревни, сотни расстрелянных женщин, детей, стариков, изуродованные трупы попавших в плен красноармейцев, изнасилованные и зверски убитые женщины, девушки и подростки...

Особенно одна осталась у меня в памяти: ей было лет семь. Она лежала на боку, глаза были широко открыты, лицо исказилось от боли и ужаса. В руках она держала что-то маленькое — кусочек хлеба или монетку, не помню уже точно. Бойцы мои прошли мимо, не обратили внимания на эту девочку. А я остановился и подошел к ней. Она была такая маленькая, что мне пришлось нагнуться, чтобы увидеть ее лицо. Вдруг она протянула руку ко мне, как будто хотела сказать: «Помогите». Я взял ее за плечи и поднял на руки, но тут же услышал шум боя. Бойцы кричали, стреляли, и я понял, что не могу взять с собой эту девочку. Вздохнув, я поставил ее на землю и побежал обратно в бой.

Так проходили дни на фронте, полные крови и страданий. Каждый раз, когда мы захватывали пленных или осматривали убитых, я все больше понимал, что война — это не просто конфликт между армиями, но гораздо более страшная вещь. И каждый боец, каждый раненый и каждый мирный человек стал для меня символом этой войны.

Одиннадцать часов. Она шла в школу; немцы её поймали, затолкали в огород, изнасиловали и убили. Маленькая девочка лежала в помятой картофельной ботве, почти ребенок, а вокруг валялись залитые кровью школьные тетради и учебники... Лицо её было страшно изрублено тесаком; в руке она сжимала раскрытую школьную сумку. Мы накрыли тело плащ-палаткой и стояли молча. Потом бойцы так же молча разошлись, а я стоял и, помню, как исступленный, шептал: «Барков, Половинкин. Физическая география. Учебник для неполной средней и средней школы». Это я прочитал на одном из учебников, валявшихся там же, в траве, а учебник этот мне знаком. Моя дочь тоже училась в пятом классе.

Это было недалеко от Ружина. А около Сквиры в овраге мы наткнулись на место казни, где мучили захваченных в плен красноармейцев. Приходилось вам бывать в мясных лавках? Ну, вот примерно так выглядело это место... На ветвях деревьев, росших по оврагу, висели окровавленные туловища, без рук, без ног, со снятой до половины кожей... Отдельной кучей было свалено на дне оврага восемь человек убитых. Там нельзя было понять, кому из замученных что принадлежит; лежала просто куча крупно нарубленного мяса, а сверху — стопкой, как надвинутые одна на другую тарелки, — восемь красноармейских пилотов...

Вы думаете, можно рассказать словами обо всем, что пришлось видеть? Нельзя! Нет таких слов. Это надо видеть самому. И вообще хватит об этом! — Лейтенант Герасимов надолго умолк.

— Можно здесь закурить? — спросил я его.

— Можно, курите в руку, — охрипшим голосом ответил он.

И, закурив, продолжал:

— Вы понимаете, что мы озверели, насмотревшись на все, что творили фашисты. Да иначе и не могло быть. Все мы поняли, что имеем дело не с людьми, а с какими-то осатаневшими от крови собачьими выродками. Оказалось, что они с такой же тщательностью, с какой когда-то делали станки и машины, теперь убивают, насилуют и казнят наших людей. Потом мы снова отступали, но дрались как черти!

В моей роте почти все бойцы были сибиряки. Однако украинскую землю мы защищали прямо-таки отчаянно. Много моих земляков погибло на Украине, а фашистов мы уничтожали без жалости.

Положили там еще больше. Что ж, мы отходили, но духу им давали неплохо.

С жадностью затягиваясь сигаретой, лейтенант Герасимов сказал уже несколько иным, смягченным тоном:

— Хорошая земля на Украине, и природа там чудесная! Каждое село и деревушка казались нам родными, может быть, потому, что, не скупясь, проливали мы там свою кровь. А кровь ведь, как говорят, роднит... И вот оставляешь какое-нибудь село, а сердце щемит и щемит, как проклятое. Жалко было, просто до боли жалко! Уходим и в глаза друг другу не глядим.

...

Не думал я тогда, что придется побывать у фашистов в плену, однако пришлось. В начале сентября я был первый раз ранен, но остался в строю. А двадцатого числа, в бою под Денисовкой, Полтавской области, я был ранен вторично и взят в плен.

Немецкие танки прорвались на нашем левом фланге, следом за ними потекла пехота. Мы с боем выходили из окружения. В этот день моя рота понесла очень большие потери. Два раза мы отбили танковые атаки противника, сожгли и подбили шесть танков и одну бронемашину, уложили на кукурузном поле человек сто двадцать гитлеровцев, а потом они подтянули минометные батареи, и мы вынуждены были оставить высотку, которую держали с полудня до четырех часов. Утром было жарко. В небе ни облачка, а солнце палило так, что буквально нечем было дышать. Мины ложились страшно густо, и помню, пить хотело до того, что у бойцов губы чернели от жажды, а я подавал команду каким-то чужим, окончательно осипшим голосом. Мы перебежали по лощине, когда впереди меня разорвалась мина. Кажется, я успел увидеть столб черной земли и пыли, и — это всё. Осколок мины пробил мою каску, второй попал в правое плечо.

Не помню, сколько я пролежал без сознания, но очнулся от топота чьих-то ног. Приподнял голову и увидел, что лежу не на том месте, где упал. Гимнастерки на мне нет, а плечо наспех кем-то перевязано. Нет и каски на голове. Голова тоже кем-то перевязана, но бинт не закреплен, кончик его висит у меня на груди. Мгновенно я подумал, что мои бойцы тащили меня и на ходу перевязали, и я надеялся увидеть своих, когда с трудом поднял голову. Но ко

мне бежали не свои, а немцы. Это топот их ног вернул мне сознание. Я пошарил вокруг руками. Около меня не было оружия:

И планшета, ни телефона, даже куртки не осталось. Кто-то из наших снял их у меня.

«Вот и всё», — подумал я. О чем ещё думал в этот момент? Если для будущего романа, напиши что-нибудь от себя, а я тогда ничего не успел подумать. Немцы были уже очень близко, и мне не захотелось умирать лежа. Просто я не хотел, не мог умереть лежа. Я собрал все силы и встал на колени, касаясь руками земли. Когда они подбежали ко мне, я уже стоял на ногах. Стоял и качался, ужасно боясь, что вот сейчас опять упаду и они меня заколют лежачего. Ни одного лица я не помню. Они стояли вокруг меня, что-то говорили и смеялись. Я сказал: «Ну, убивайте, сволочи! Убивайте, а то сейчас упаду». Один из них ударил меня прикладом по шее, я упал, но тотчас снова встал. Они засмеялись и один махнул рукой — иди, мол, вперед. Я пошёл. Всё лицо было в засохшей крови, из раны на голове всё ещё бежала кровь, очень теплая и липкая, плечо болело, и я не мог поднять правую руку. Помню, что мне очень хотелось лечь и никуда не идти, но я всё же шёл...

Нет, я вовсе не хотел умирать и тем более — оставаться в плену. С великим трудом преодолевая головокружение и тошноту, я шёл, — значит, я был жив и мог ещё действовать. Ох, как меня томила жажда! Во рту спеклось, и все время, пока мои ноги шли, перед глазами колыхалась какая-то черная штора. Я был почти без сознания, но шёл и думал: «Как только напьюсь и чуточку отдохну — убегу!»

На опушке рощи нас всех, попавших в плен, собрали и построили. Все это были бойцы соседней части. Из нашего полка я угадал только двух красноармейцев третьей роты. Большинство пленных было ранено. Немецкий лейтенант на плохом русском языке спросил, есть ли среди нас комиссары и командиры. Все молчали. Тогда он ещё раз сказал: «Комиссары и офицеры идут два шага вперед». Никто из строя не вышел.

Лейтенант медленно прошёл перед строем и отобрал человек шестнадцать, по виду похожих на евреев. У каждого он спрашивал: «Юде?» — и, не дожидаясь ответа, приказывал выйти из строя. Среди отобранных им были и евреи, и армяне, и просто русские, но смуглые лица и черноволосые. Всех их отвели немного в сторону и расстреляли на наших глазах из автоматов. Потом нас наспех обыскали и отобрали бумажники и все, что было из личного имущества.

Нас построили в походную колонну и погнали на запад. По сторонам дороги шел довольно сильный конвой, и ехал человек десять немецких мотоциклистов. Гнали нас быстрым шагом, и силы мои приходили к концу. Два раза я падал, вставал и шел, потому что знал, что, если пролежу лишнюю минуту и колонна пройдет, меня пристрелят там же, на дороге. Так произошло с шедшим впереди меня сержантом. Он был ранен в ногу и с трудом шел, стоная, иногда даже вскрикивая от боли. Прошли километра два, и он громко сказал:

— Нет, не могу. Прощайте, товарищи! — и сел среди дороги.

Его пытались на ходу поднять, поставить на ноги, но он снова опускался на землю. Как во сне, помню его очень бледное молодое лицо, нахмуренные брови и мокрые от слез глаза... Колонна прошла. Он остался позади. Я оглянулся и увидел, как мотоциклист подъехал к нему вплотную, не слезая с седла, вынул из кобуры пистолет, приставил к уху сержанта и выстрелил. Пока дошли до речки, фашисты пристрелили еще нескольких отстававших красноармейцев.

И вот уже вижу речку, разрушенный мост и грузовую машину, застрявшую сбоку переезда. И тут падаю вниз лицом. Потерял ли я сознание? Нет, не потерял. Я лежал, протянувшись во весь рост, во рту у меня было полно пыли, я скрипел от ярости зубами, и песок хрустел у меня на зубах, но подняться не мог. Мимо меня шагали мои товарищи. Один из них тихо сказал: «Вставай же, а то убьют!» Я стал пальцами раздирать себе рот, давить глаза, чтобы боль помогла мне подняться...

А колонна уже прошла, и я слышал, как шуршит колесо подъезжающего ко мне мотоцикла. И все-таки я встал! Не оглядываясь на мотоциклиста, качаясь как пьяный, я заставил

себя догнать колонну и пристроился к задним рядам. Проходившие через речку немецкие танки и бронетранспортеры...

Глава 8

Машины взметнули воду, но мы пили ее, эту коричневую теплую жижу, и она казалась нам слаще самой лучшей ключевой воды. Я намочил голову и плечо. Это меня очень освежило, и ко мне вернулись силы. Теперь-то я мог идти, в надежде, что не упаду и не останусь лежать на дороге...

Только отошли от речки, как по пути нам встретилась колонна средних немецких танков. Они двигались навстречу. Водитель головного танка, рассмотрев, что мы — пленные, дал полный газ и на всем ходу врезался в нашу колонну. Передние ряды были смяты и раздавлены гусеницами. Пешие конвойные и мотоциклисты с хохотом наблюдали за этой картиной, что-то орали высунувшимся из люков танкистам и размахивали руками. Потом снова построили нас и погнали сбоку дороги. Веселые люди, ничего не скажешь...

В этот вечер и ночью я не пытался бежать, так как понял, что уйти не смогу, потому что очень ослабел от потери крови, да и охраняли нас строго, и всякая попытка к бегству наверняка закончилась бы неудачей. Но как проклинал я себя впоследствии за то, что не предпринял этой попытки! Утром нас гнали через одну деревню, в которой стояла немецкая часть. Немецкие пехотинцы высыпали на улицу посмотреть на нас. Конвой заставил нас бежать рысью через всю деревню. Надо же было унижить нас в глазах подходившей к фронту немецкой части. И мы бежали. Кто падал или отставал, в того немедленно стреляли. К вечеру мы были уже в лагере для военнопленных.

Двор какой-то МТС был густо огорожен колючей проволокой. Внутри плечом к плечу стояли пленные. Нас сдали охране лагеря, и те прикладами винтовок загнали нас за ограду. Сказать, что этот лагерь был адом, — значит, ничего не сказать. Уборной не было. Люди испражнялись здесь же и стояли и лежали в грязи и в зловонной жиже. Наиболее ослабевшие вообще уже не вставали. Воду и пищу давали раз в сутки. Кружку воды и горсть сырого проса или прелого подсолнуха, вот и все. Иной день совсем забывали что-либо дать...

Дня через два пошли сильные дожди. Грязь в лагере растолкли так, что бродили в ней по колено. Утром от намокших людей шел пар, словно от лошадей, а дождь лил не переставая... Каждую ночь умирало по несколько десятков человек. Все мы слабели от недоедания с каждым днем. Меня вдобавок мучили раны.

Тогда я не понял насмешки и, обрадованный, побрел к конюшне.

Военврач третьего ранга встретил меня у входа. Это был уже конченный человек. Худой до изнеможения, измученный, он был полусумасшедшим от всего, что ему пришлось пережить. Раненые лежали на навозных подстилках и задыхались от дикого зловония, наполнявшего конюшню. У большинства в ранах кишели черви, и те из раненых, которые могли, выковыривали их пальцами и палочками... Тут же лежала груда умерших пленных, их не успевали убирать.

«Видели? — спросил меня врач. — Чем же я могу вам помочь? У меня нет ни одного бинта, ничего нет! Идите отсюда, ради бога, идите! А бинты ваши сорвите и присыпьте раны золой. Вот здесь у двери — свежая зола».

Я так и сделал. Унтер встретил меня у входа, широко улыбаясь. «Ну, как? О, у ваших солдат превосходный врач! Он вам помог?» Я хотел молча пройти мимо него, но он ударил меня кулаком в лицо, крикнул: «Ты не хочешь отвечать, скотина?!» Я упал, и он долго бил меня ногами в грудь и голову. Бил до тех пор, пока не устал.

Этого фашиста я не забуду до самой смерти, нет, не забуду! Он и после бил меня не раз. Как только увидит сквозь проволоку меня, приказывает выйти и начинает бить, молча, сосредоточенно...

Вы спрашиваете, как я выжил?

До войны, когда я еще не был механиком, а работал грузчиком на Каме, я на разгрузке носил по два куля соли, в каждом — по центнеру. Силенка была, не жаловался, к тому же вообще организм у меня здоровый, но главное — это то, что не хотел я умирать, воля к сопротивлению была сильна. Я должен был вернуться в строй бойцов за Родину, и я вернулся, чтобы мстить врагам до конца!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.